

Л. И. Иванова
Петрозаводск

**Изображение «лесного царства»
в карельской мифологической прозе**

Для того чтобы получить полное представление о «лесном царстве» в карельской мифологической прозе, необходимо рассмотреть образы духов — хозяев леса, время и локусы. Мы сосредоточим свое внимание на последнем параметре. Мифологическое пространство в быличках, с одной стороны, устроено совершенно особым образом, а с другой — существуют точки пересечения, сближающие два мира, человеческий и мифический, материальный и духовный. Лес в фольклоре осмысляется по-разному. Как пишет Н. А. Криничная, это «одновременно и... преграда, и ... путь в загробное царство» [Криничная 2008: 26]. В. Я. Пропп указывал, что в волшебной сказке «лес окружает иное царство, дорога в иной мир ведет сквозь лес» [Пропп 1986: 57–58]. В мифологической прозе «лесное царство» само по себе является особым миром. Иной мир лесных хозяев — это мир-перевертыш, своего рода «зазеркалье». Он укрыт от людских глаз, и вход в него человеку по собственному желанию запрещен. Проникнуть туда можно только в нескольких случаях. Во-первых, это нарушение определенных табу, строгих границ, разделяющих жителей двух миров: словесных, временных и пространственных. Во-вторых, в «лесное царство» хозяева леса по своей воле могли забрать человека или животное. Чаще всего похищались дети или девушки брачного возраста, находящиеся в наиболее опасном лиминальном периоде.

Необычность, в том числе зазеркальность и перевернутость мира хозяев леса, выражается в небольших деталях. Например, для того, чтобы выйти из него, надо вывернуть наизнанку одежду и переобуть обувь с правой ноги на левую. В одной из быличек женщине повстречалось существо «все в шерсти» и попросило перевезти на другой берег, приказав при этом причалить обязательно кормой, хотя люди всегда въезжают носом лодки (Фонограммархив ИЯЛИ, кассета 3151/34. Далее: только номер кассеты). Леший, сам обладающий способностью перевоплощаться, может принять протянутое находчивым знахарем полено за руку и, здороваясь, так сжать его, что из него закапает вода (2604/14–15). В том мире иная погода, чем в человеческом; у нас идет

дождь, а у них сухо: «А дожди были, дожди долгие... Они и не промокли, у них и не дождит, и ничего» (3492/18). У нас холодно, у них тепло; так, в одной из быличек леший унес мальчика и девочку. Их искали два дня, стояла очень холодная погода, они были в одних рубашечках, но совсем не замерзли (Архив Финского Литературного Общества. SKS. K201. Далее: SKS и номер записи). Похищенным людям в том измерении кажется, что их кормят пирогами, печеньем, а на деле оказывается, что, когда их отпускают домой, карманы полны шишек, иголок и помета. Такую трансформацию ярко характеризует пословица: «Плесень – это хлеб дьявола». Мешок с золотом, предложенный человеку в «лесном царстве» лешим, на деле оказывается полон осиновых листьев [SKS. K47].

В ином мире особое течение времени (во-первых, убыстренное, а во-вторых, некая вневременность), считается, что активность хозяев леса приходится на ночь, но они не спят и тогда, когда в человеческом мире день. Хозяева леса не оставляют следов, внезапно появляясь и бесследно исчезая. Они владеют способностью перевоплощаться, появляясь то в фито-, то в зоо-, то в антропоморфном виде.

В обычных условиях иной мир совершенно невидим. Но когда человек попадает в него, мир также предстает в совершенно разных ипостасях. Чаще всего это дремучий лес или заболоченная местность, но иногда может показаться и сухим пригорком, красивой вырубкой и даже городом. В одной из быличек девочка пошла с теткой пасти коров. «Пошли туда в чащу и заблудились. Ну бывает там, что заблудишься, много раз. Заблудились, и им привиделся стог сена как городской дом, большой. Где мы теперь? Не можем выйти, а сами идем. Поди знай, что кажется. Мерещится ведь там». Таким образом, словно открывается дверь в параллельный мир, а в родной захлопывается. И только выполнение определенных ритуалов позволяет вырваться на свободу. «...Только тогда стало видно. Стали смотреть: казались домами да городом, а сосновый бор да стога сена. Посмотри-ка как мерещится... Тут и находимся, прямо у дома, а выйти не можем» (701/3). В другой быличке у женщины было четкое ощущение, что она попала в иной мир: «Иду в лес, ельник такой, вот такой высоты елочки, маленькие. Но есть и деревья высокие, а те маленькие деревья среди больших. И они словно бы в шелка одеты, эти елочки. Шелк есть ведь, ну словно бы шелк, шелковые платья на сосенки одеты... Я, говорит, испугалась. „Ой-ой-ой, куда я пришла. На чужую землю!“» (3024/46). Попав в иной мир, человек полностью изолируется

от своего. Многие потерявшиеся дети рассказывали, что они видели, что их ищут, но не могли подать никакого знака. «А порой и людей не слышишь, уши и все закроет» (3431/15). У многих возникает ощущение какой-то темноты, страх необъяснимый, а когда они выходят на знакомую местность, «словно мир мне открылся... светлее стало» (3345/12). Будто спадает накинутая пелена: «И с меня словно сняло, и раньше было светло, но словно сняло, открыло весь мир, как что есть, так и есть» (3363/28).

Люди, похищенные в иной мир, видят, что их ищут, и слышат, что происходит в мире человеческом, а сами остаются невидимыми. В одной из быличек хозяин леса встретил парня, собирающего ягоды. Схватил его, посадил на спину и понес через леса, болота, горы. Предлагал поесть, но так как парень все время отказывался, леший вынужден был оставить его на болотной кочке. О табуированности прикасания к еде иного мира писал еще В. Я. Пропп: «приобщившись к еде, предназначенной для мертвецов, пришелец окончательно приобщается к миру умерших. Отсюда запрет для прикасания к этой пище для живых» [Пропп 1986: 67]. Парня искали всей деревней. Он все видел и слышал, но не мог ответить, рот был на замке: «ei voinut ilmaista itseään, suu oli lukossa». И только когда знахарь, прочитав заговоры, разрушил чары (vihat) хозяина леса, юноша смог откликнуться. «Näin poika pääsi takasin ihmisten ilmoille» — «Так парень смог вернуться в человеческий мир» [SKS. K201]. Сами хозяева леса подчас тоже невидимы для человека, слышится только их голос, и даже невидимая рука лешего может вцепиться в волосы [SKS. K31]. Часто людям, побывавшим в «лесном царстве», запрещено что-либо рассказывать о чужом мире [SKS. K201].

Практически во всех быличках хозяева леса или внезапно предстают перед человеком, или идут навстречу ему. Эта разнонаправленность движения людей и лесных обитателей принципиальна: они должны разойтись в разных направлениях и стараться не пересекаться друг с другом, как практически не пересекаются и их параллельные миры. Более того, табуированы и попытки человека оглянуться назад, видеть лешего со спины запрещено.

Опираясь на мифологическую прозу, можно попытаться составить топографическое описание местонахождения мира лесных хозяев.

Люди старались обезопасить себя от прихода неожиданных «гостей», проведя совершенно определенные границы. Они двух видов: во-первых, возведенные самим человеком, а во-вторых, естественные,

природные. К первым можно отнести вспаханную землю, забор, железную дорогу, а ко вторым — водную преграду, гору.

Наиболее безопасным местонахождением человека, безусловно, считалась сама деревня. Сразу за ней, вокруг нее находились поля, возделанная, вспаханная земля, которую человек с позволения хозяйки — матери земли (тоаема) взял себе в пользование. Таким образом, эта земля принадлежит людям, и никто другой на нее претендовать не может. Женщины-знахарки, если и ходили на разговор с лешим, то чаще останавливались для этого именно на краю поля, где еще земля была обработана, тем самым как бы обезопасив себя на своей территории, куда леший не имел права входить. Только самые сильные колдуны-мужчины не опасались пойти на встречу с лесными обитателями прямо на их территорию, в лес. К тому же, вся деревня с полями часто была обнесена забором, являвшимся дополнительной границей. Во второй половине XX в. недалеко от некоторых деревень была построена еще одна преграда для лесных обитателей — железная дорога: «К краю железной дороги подошел, за горой там, к железной дороге подошел и как обратно рванул» (702/1).

В очень многих быличках естественной границей двух миров выступает гора. Человек или животное попадает в иной мир, перейдя через горы или холмы. Владения лесных хозяев под горой, за горой, очень редко — на горе. То, что местность, где происходят события, гористая, подчеркивается и в географических названиях. В. Н. Топоров пишет, что в мифологии гора «выступает в качестве наиболее распространенного варианта трансформации древа мирового. Гора часто воспринимается как образ мира, модель вселенной, в которой отражены все основные элементы и параметры космического устройства» [Топоров 1987: 311]. В Беломорской Карелии говорили, что одним из названий лешего (metsähine) было «бегущий по горам» (vaaran juoksija). Рядом с одной из деревень стояла гора, высотой с длинные деревья, там жили «бегущие по горам». На вершине горы была яма с водой, как котел, а вокруг ямы — ели. Говорили, что из этой ямы леший воду пьет [Virtaranta 1958: 77]. Таким образом, проведя параллели, можно попытаться найти разгадку, почему в большинстве мифологических рассказов о хозяевах леса фигурируют такие объекты как гора (или камень) и дерево (или пень). Если гора, являясь таким же символом, как мировое древо, олицетворяет собой макрокосм, то камень и пень — это своеобразный микрокосм. Деревья, особенно хвойные, почитались карелами как сакральные топосы, в которых живут

лесные духи. Так, в одной из быличек леший уносит девушку и сажет ее под куст можжевельника, где она и проводит молча все время, не смея откликнуться на зов ищущих [SKS. K201]. Примечательно, что «можжевельник в заговорах выступает синонимом порога под землей, в Манале:

alla kylmän kynnyshirren
alla kauhien katajan.

под холодным бревном порога,
под ужасным можжевельником.

«Можжевеловые кусты – единственная растительность в подземном царстве в сказках» [Лавонен 1984: 173]. Карелы, охотящиеся с помощью магии, именно под елью оставляют жертвоприношения (вино и яйца) для духа леса [SKS. K31]. Под елью уже мертвым находят похищенного младенца [SKS. K201]. Наиболее яркой иллюстрацией того, что камни и дерево – места жительства леших, являются былички, в которых описывается, как потерявшееся животное на протяжении многих дней, словно привязанное, ходит вокруг одного камня или дерева и при этом остается невидимым для человеческих глаз. То, что гора и дерево в данном случае идентичны, подтверждается и лингвистическими данными: во многих языках «понятия горы и древа (леса) передаются словами общего корня» [Топоров 1987: 311].

Иногда у камня, являющегося входом в иной мир, происходит разговор колдуна с хозяевами леса (2516/19). Прямо на камень усаживает колдун пришедшую с ним женщину (702/8). Стоя на пне, Агафья видит идущих по лесу «мужиков, ростом с высокие деревья» (702/11). Когда заблудишься в лесу, надо также подойти к «дверце» из «лесного царства»: «пришел, скажем, к пенечку, надо тебе раздеться», проделать весь ритуал – «и тебе сразу дорогу дает. Ты пойдешь, выйдешь прямо на дорогу. А так блуждаешь, в том же самом месте ходишь, дорога рядом – попасть не можешь» (3460/37). Под неподвижный камень на перекрестке дорог необходимо было положить и магический узел Осмо (Osmon solmu) с требованием, чтобы леший освободил животных из своего укрытия (2520/13).

В финских мифологических рассказах встречается сюжет, в котором хозяин леса мстит осквернителю камня, служащего ему обеденным столом [Симонсуури 1991: 145].

В нескольких быличках рассказчики говорят, что иногда сама спрятанная корова видится людям камнем, т. е. животное находится прямо у входа в «чужую землю» (3217/3). «А там, где наш дом стоит,

подальше на пригорке, колокольчики коров слышны, да и видны: свои поля были через озеро, колокольчики слышны, коровы на полях. Туда придут – нет коров. В камни превратились» (3362/3).

Таким образом, гора (камни) и отдельное дерево (пень) маркируют собой границу между мирами, вход в него. А сам иной мир расположен внизу, под горой и даже под деревом. Происходит вертикальное деление пространства на верхний и нижний мир. Верхний мир – это мир небожителей, богов, достаточно вспомнить самые известные библейские (Синай) или греческие (Олимп) мифы. «Если божественные персонажи связаны с вершиной горы... то отрицательные персонажи... обычно связаны с низом горы и даже с ее внутренностью, уходящей в подземное царство» [Топоров 1987: 313].

Камни-сейды, служащие местами поклонения, особенно были распространены у саамов. Встречаются они и у карелов. В Сегозерье рядом с д. Мууярви есть камень две сажени высотой и полторы сажени в длину, лежит он на четырех камнях поменьше. В той же деревне на высокой скале находятся три пудовых камня, а на них – четвертый. Их в честь одного из хозяев леса называют «камни Хийси» – «Hiiden kivet» [SKS. N1122]. Нарушившему временные границы может привидеться лесной народ, выходящий прямо из скалы [SKS. E351].

Рассказывали о лешем (toisipuoline), который всегда охотился именно на горе. На этой горе было очень много птиц. Как-то охотники пошли в лес. Слышат: кто-то стреляет, но никого не видно, да и убитых птиц не могут найти. Тогда они на каждый выстрел стали говорить: «Господи, благослови!» После этого они нашли очень много птиц, а леший остался ни с чем. Ему пришлось уйти с этих мест [SKS. E141].

Практически никогда духи – хозяева леса не живут в сухом светлом лесу. Наоборот, лес темный, дремучий, с высокими деревьями, нередко сухими или поваленными. Чаще всего это ели или сосны – деревья, растущие на карельских кладбищах, на них чаще всего делают карсикко как связующее звено с миром духов – хозяев леса и воды или с загробным миром предков. В мифологической прозе в качестве священной рощи, в которой все принадлежит хозяевам леса, а человеку даже ягодки нельзя сорвать, и где колдун общается с лешим, упоминается можжевельная. Хвойные деревья, являясь вечнозелеными, тем самым олицетворяют саму жизнь. Но хвойный лес, где живут хозяева леса, полон сухостоя и бурелома, это место, где чувствуется

дыхание смерти и темноты. Изредка упоминается ивняк (3425/14) и ольшаник (3025/17а, 3264/31) — деревья, также воспетые еще в карельских эпических песнях и обладающие магическими свойствами.

Бойтся леший крапивы, растения жгучего, которое сопоставимо с огнем, древним оберегом против любой нечистой силы. Так, в одной из быличек рассказывается, что похищенную лешим девушку находят в зарослях крапивы, а «он не может идти в крапивные заросли, крапивы боится» (3380/35).

В карельской мифологической прозе одно из основных мест пребывания хозяев леса — болото, находящееся за холмом или под горой. Причем часто человек видит леших сверху вниз, сам, оставаясь стоять на возвышенности, а они — внизу. На болоте или у болота пропадают домашние животные (702/1, 1028/3) и дети (772/5, 3024/80), по болоту идут хозяйки леса (2967/7а), здесь нередко теряют ориентацию взрослые (3024/83). У болота видят лесной народ, выходящий из скалы [SKS. E351]. Похищенного мальчишку леший сажает на болотную кочку [SKS. K201]. Порой это может происходить и на лугах или покосах, которые чаще всего находятся в низменных местах, а иногда являются просто осушенным болотом.

По своей функции в карельской мифологической прозе близкой болоту оказывается земля, а точнее углубление в ней, яма, как бы выход в подземное царство. То, что лес и земля — две взаимосвязанные стихии, подчеркивается в одной из быличек: «Если лес спрячет корову или какое животное, тогда оно землю будет есть. Не может двинуться. Оно в одном месте, животное, когда лес спрячет. В одном месте, оно землю съест по колено, пока не освободят... Не привязано, а двинуться не может, не может уйти... Лес прячет, лес прячет. Земля держит» (3217/22). Потерявшихся животных часто находят в различных ямах, в которых их прячут хозяева леса. Именно «под корни дерева» в лесу надо произнести заговорные слова, чтобы леший вернул животное (3353/8). Есть и еще один способ: на перекрестке (традиционном месте встречи человека и духов, где пересекаются не только видимые дороги, но сами два мира) нужно воткнуть в землю ольховые гвозди (магическое количество — три по девять) с угрозой выковырять глаза и ноздри хозяину лесного царства (2249/5). В одной из быличек рассказывается, что знахарь вызывал на разговор «того, так говорят, что „того“... Он идет оттуда, тот мужик, и как будто из-под земли говорит, бормочет» (2604/14–15). Знахарка, пойдя искать спрятанных коров, под корнями трех деревьев выковыривает отверстия и

кричит в них: «Ргуи, ргуи, ргуи», приказывая лешим вернуть животных [SKS. K211].

Немалое значение при описании места обитания хозяев леса принадлежит реке, которая сама по себе является важным мифологическим символом и элементом сакральной топографии. В. Н. Топоров пишет, что в мифах многих народов река часто выступает, во-первых, «в качестве некоего стержня вселенной, мирового пути, пронизывающего верхний, средний и нижний миры», а во-вторых, она несет в себе пограничные функции: «она рубеж между этим и тем, нижним миром, между своим пространством и чужим» [Топоров 1988: 376]. Иной мир лесных духов находится за рекой (1028/3, 2967/7а), ручьем (3353/9) или проливом (2605/7). В него можно попасть, перейдя через мост (3492/18). Аналогичную роль пограничного пространства играет озеро (3362/4) или ламба (2220/21, 3024/83, 3025/17а). Часто хозяев леса видят на берегу водоема (2610/38, 3151/34). И вообще они поддерживают связь с духами воды, к примеру, знают, что именно те попытались пополнить свое стадо, забрав корову у людей (3217/3). Девочка, которая была в лесном укрытии, рассказывала, что ее «на коровой шкуре унесли через реку» [SKS. K201].

Встречаются былички, в которых лесные обитатели живут на острове. Этот объект часто маркирует собой иное пространство и в других фольклорных жанрах. Так, в волшебных сказках именно там находится тридевятое царство, дворцы—замки—избушки иного мира. В мифологической прозе на островах часто теряются или туда уносятся лешими дети и девушки. В одном из рассказов лесной зверек уводит за собой детей, а они, даже слыша голоса зовущих их взрослых, вынуждены беззвучно идти за мифическим существом: «...ручей, дерево через него повалено, и что? Некоторые взрослые перейти не могут, а они перешли! Туда следы идут!.. Потом там еще, не знаю, двести или триста метров, маленький островок. И еще туда, на остров, вброд перешли. И там, на острове нашли» (3353/9). В другой быличке рассказывается, что на острове потерялась девочка, ее искали две недели: «Я каждый день вижу: вы меня ищите... но нельзя было ничего говорить. Меня, — говорит, — взяли на белом коне. Ягодами кормили» (3362/4).

В подавляющем большинстве случаев в характеристике места обитания хозяев леса присутствует комплекс параметров. В одной из быличек теленок перепрыгивает через три забора, убегая на край поля, а затем, перейдя через гору и через железную дорогу, попадает на болото (702/1). В другой — рассказчица идет по берегу реки, обходит

заводь, поднимается на очень высокую гору и внизу на болотце замечает идущих хозяек леса (2967/7а). Рассказывали, как выруганная девочка прямо от крыльца побежала на Ригачную гору, оттуда на Крестовое болото, где ее ждали «тети и дяди» (3024/80). Однажды женщины заблудились, идут, «только сосны и ели все длиннее», пришли к берегу озера, попали на Коверское болото, «а там ламбы видны и острова» (3024/83).

Таким образом, сакральная топография подчеркивает близость духов — хозяев леса с нечистой силой, подземными обитателями, с миром мертвых.

Литература

Криничная 2008 — Криничная Н. А. Осмысление пути в мир иной в свете христианской доктрины воздаяния // Православие в Карелии. Петрозаводск, 2008.

Лавонен 1984 — Лавонен Н. А. Функциональная роль порога в фольклоре и верованиях карел // Фольклор и этнография. Л., 1984.

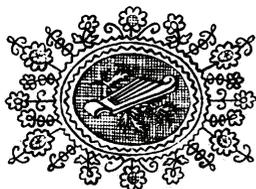
Пропп 1986 — Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1986.

Симонсуури 1991 — Симонсуури Л. Указатель типов и мотивов финских мифологических рассказов. Петрозаводск, 1991.

Топоров 1987 — Топоров В. Н. Гора // Мифы народов мира. Т. 1. М., 1987.

Топоров 1988 — Топоров В. Н. Река // Мифы народов мира. Т. 2. М., 1988.

Virtaranta 1958 — Virtaranta P. Vienan kansa muistele. Porvoo; Helsinki, 1958.

А. С. Лызлова

Петрозаводск

**Змей — похититель женщин
в русских волшебных сказках:
об истоках и трансформациях образа**

Змей является одним из распространенных образов в произведениях, относящихся к различным жанрам русского фольклора, в том числе и в волшебной сказке. Здесь он выполняет множество функций,